

Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.

**Этнокультурные аспекты природопользования
Арктического региона России**

Переход к устойчивому развитию Арктического региона России сопряжен с решением ряда острых проблем, среди которых приоритетное внимание до настоящего времени уделяется экономическим и экологическим вопросам: модернизации промышленного производства (главным образом, добывающей промышленности) и дальнейшему преимущественному индустриальному освоению Севера при усилении внимания к сохранению природной среды через совершенствование нормативно-законодательной базы, производственных технологий и контроля за использованием природных ресурсов и загрязнением природной среды [1].

С. 23

Это вполне соответствует основным рекомендациям Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, сфокусировавшей внимание на глобальных экологических аспектах устойчивого развития и декларировавшей, что решение может быть найдено в основном благодаря прогрессу в науке и технологиях. Социальные и культурные вопросы устойчивого развития также были затронуты этой Конференцией, но расценивались на ней как второстепенные, уступающие по своему значению технологическим. Сейчас наивно оптимистические иллюзии понемногу рассеиваются, поскольку продвижение к глобальной цели устойчивого развития оказалось значительно труднее, чем это представлялось.

Однако в последние годы необходимость рассматривать устойчивое развитие стран и регионов в их конкретном социально-культурном контексте завоевывает все более широкое признание. Растет понимание того, что культурные и этнические аспекты не менее

важны для достижения устойчивого развития, чем прогресс в науке, технологиях и экономике, и это в немалой степени связано с инициативами коренных народов мира. Национальные движения традиционалистов, как правило, имеют выраженную экологическую направленность и акцентируют органическую связь традиционных культур с природой. “Разрушение коренных народов и их культур есть часть того же самого процесса, который разрушал и продолжает разрушать жизнь на планете...”, сказано в “Послании Индейцев Америки Западному Миру” [3]. Хартия Аборигенных Народов Мира, принятая Всемирной Конференцией аборигенных народов в мае того же 1992 г., перед упомянутой Конференцией в Рио-де-Жанейро, четко определила, что развитие должно осуществляться, во-первых, в гармонии с природой и традициями прошлого, а во-вторых, в мире и взаимном уважении с другими культурами.

Рассмотрение этнокультурных особенностей населения в контексте устойчивого развития регионов по многим причинам пока не является общепринятой практикой не только в России, но и во многих других государствах, поэтому обращение к этой многогранной проблеме представляется весьма актуальным. Особый интерес вызывает анализ этнокультурных аспектов устойчивого развития традиционного природопользования коренных этносов (рис. 1), широко представленного в Арктическом регионе России.

Понятие “развитие” вообще означает “усложнение” или “увеличение разнообразия”, что выражается в увеличении информационного потенциала действительно “развивающегося” явления или процесса, и потому “развитие” есть форма проявления негэнтропийных процессов как в природе, так и в обществе. Следовательно, упрощение этнической структуры или унификация культурных традиций жителей какого-либо полиэтничного региона или страны в ходе ассимиляции (типичного энтропийного процесса, снижающего степень разнородности или сложности человечества) никак не может быть названо “развитием” даже при одновременном повышении уровня жизни населения. В связи с этим в качестве основных субъектов развития необходимо рассматривать не только государства и крупные регионы, но и отдельные этносы, различающиеся духовной культурой и типом природопользования.

Применительно к проблеме устойчивости развития объектом защиты является этнос в своем этноценозе, т.е. географически-территориальный комплекс населения и хозяйства с их природно-ресурсной основой [2]. Устойчивым развитие этноса может считаться

только в том случае, если все угрозы его благосостоянию в настоящем и будущем не лишают его жизнеспособности. Это возможно при условии сбалансированности взаимосвязей этноса, во-первых, со своим природным окружением, во-вторых, с окружающими его другими этносами.

В различных программах, направленных на осуществление перехода к устойчивому развитию Арктического региона России, включая Концепцию Стратегии устойчивого развития России, задача переноса акцента в системе человеческих ценностей с материально-вещественных на духовно-нравственные если и рассматривается, то лишь в долгосрочной перспективе. Заметим, что большинство программ также практически полностью игнорируют коренные малочисленные народы и другие этнические группы (русские старожилы, коми-ижемцы, оленные якуты), занятые в традиционном хозяйстве, как полноправный субъект развития региона.

Это вызвано тем, что на протяжении многих десятилетий после 1917 г. Россия жила в искусственно создаваемом региональном покое, приводившем к чрезмерной централизации управленческих решений, в том числе и в области социально-экологической политики, нивелировавшим существенные территориальные различия этнокультурного развития, типов и приемов природопользования, экологических ограничений, объективно существующих в такой огромной стране, как Россия. Исторически сложилось так, что на Севере России в тесном соседстве и контактах оказались социумы с различной ментальностью, этнокультурными традициями, что нашло свое отражение в характере взаимоотношений с природной средой.

Их культура формировала ценности и нормы поведения, типы организации пространства, виды трудовой деятельности - образовались своеобразные культурные ландшафты [3]. При этом в целом гармоничное развитие было присуще этноценозам, сформировавшимся на основе традиционного хозяйства (оленоводство, охота и т.д.)¹, в то время как пришлое население преимущественно вносило

С. 24

дисгармонию в природную среду в ходе хозяйственного освоения, основанного на прие-

---

¹ У русских старожилов происходило заимствование приемов традиционного природопользования и экологических знаний у коренных северных народов, благодаря чему их отношения с природным

мах, заимствованных в более южных широтах. Использование элементов традиционного природопользования и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера происходило в ограниченной форме.

Изучение культурного контекста традиционного природопользования северных народов показывает, что управление биологическими ресурсами в нем, в отличие от “западных” моделей природопользования, не принадлежит исключительно к сфере научной мысли и практики. Это часть интегрального целого, объединяющего способы познания, восприятия окружающего мира и образа жизни. Представления о том, как устроен мир, формируют отношения коренных народов с их природной средой и они сами формируются на основе этих отношений. Система связей этноса и ландшафта в большей степени продукт культуры, а не просто отдельных наблюдений за природной средой. Сочетая символические и эмпирические знания, каждый из коренных северных народов вырабатывает свое уникальное представление о природе, которое, оставаясь частью его традиционной культуры, входит и в систему его природопользования. Традиционное природопользование действительно выражает экологическую культуру традиционного общества, отличную от “западной”, и позволяет разрабатывать стратегию устойчивого развития, исходя из другого культурного контекста, нежели это делает “западная” экология [4].

Современное культурно-этническое разнообразие населения Арктического региона России до сих пор не рассматривается как благоприятный фактор адаптации к изменяющимся условиям и переходу к сбалансированному развитию. Глубокому пониманию традиционных культур представителями доминирующего общества препятствуют в первую очередь этно- и антропоцентрические установки. “Западная” модель устойчивого развития обычно рассматривается как универсальный научный подход, культурный контекст которого игнорируется. На самом деле эта модель четко обусловлена антропоцентрической картиной мира, принципами социальной организации, отношений власти и другими нормами современной культуры “западного мира”. Очевидно, устойчивость коренного этноса не может быть обеспечена только за счет привнесенных извне “западных” технологий. Корни устойчивого развития должны находиться ВНУТРИ самого этноса, который должен сам определить свой путь между прошлым и будущим, используя для этой цели как внутренние, так и внешние ресурсы, сделав свои традиции основой для изменений [2].

Этнокультурный аспект устойчивого развития связан с необходимостью обеспечить в ходе социо-культурной модернизации сохранение культурного и этнического разнообразия населения территории. Последнее может оцениваться в масштабах планеты, государства или отдельного региона, например, российской Арктики. Принимая во внимание сформулированные Н.Ф. Реймерсом [5] биосоциальные законы устойчивости популяций, можно сделать вывод, что в основе устойчивого развития этносов лежит неистощающее природопользование, понимаемое не только как совокупность экологически обоснованных приемов эксплуатации природных ресурсов территории, но и отражение определенных мировоззренческих представлений. Оно формирует как экологические, так и культурологические основы устойчивого развития этноса. Для Арктического региона неистощающее природопользование в определенной степени может ассоциироваться с традиционным природопользованием коренных малочисленных народов в относительно «спокойные» исторические периоды их развития, когда оно было направлено на сбалансированное использование биологических ресурсов как своей основы.

К сожалению, современный период к таковым не относится и налицо признаки деградации традиционного природопользования под воздействием многих факторов, а вслед за ним и разрушение этнической культуры аборигенов Севера. Основным фактором дестабилизации традиционного хозяйства (подрыв ресурсной базы, изменение форм традиционного хозяйствования и т.п.), помимо развития рыночной экономики, выступает рост численности ряда народов и концентрация коренного населения в поселках, что привело к усилению антропогенной нагрузки на биоресурсы в районе поселков при выводе части наиболее отдаленных угодий из хозяйственного использования. Также сказывается некоторое увеличение к середине 1990-ых гг. доли коренного населения Севера, фактически занятого в традиционном хозяйстве, так как некоторые люди были вынуждены включиться в него с целью самообеспечения продуктами питания после закрытия многих предприятий и учреждений в северных поселках либо же для того, чтобы получить «родовые земли» с пастбищными или промысловыми угодьями. Но особое значение среди упомянутых факторов имеет все же прирост населения у самых больших по численности коренных народов российского Арктического региона, которые к тому же в наибольшей степени сохраняют традиционное оленеводческое хозяйство до наших дней. Так, например, по данным переписей 1897 и 1989 гг., обработанным Д.Д. Богоявленским, можно рассчитать, что в

течение XX в. общая численность 26 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока возросла только на 23%, тогда как ненцев - в 3,8 раза [6].

Большое значение для будущего ландшафтов Севера и самих коренных народов и этнокультурных групп Арктического региона России, занятых в традиционном хозяйстве, имеет скорейшее принятие федерального закона “О территориях традиционного природопользования

С. 25

коренных народов” [7]. Не вдаваясь подробнее в эту актуальную тематику, подчеркнем лишь, что статус территорий традиционного природопользования и характер прав пользователей либо владельцев на биоресурсы должны в конечном итоге обеспечивать устойчивое развитие традиционного хозяйства и сохранение образа жизни северных народов. Однако в современном мире коренные малочисленные народы и другие этнические группы, занятые традиционным хозяйством в Арктическом регионе, сталкиваются с рядом упомянутых выше препятствий на пути к достижению этих целей.

В экологической культуре природопользования коренных жителей Севера (включая и русское старожильческое население) основополагающее значение имеют “традиционные экологические знания”. Этот термин применяют для обозначения знаний об окружающей среде, проистекающих из опыта традиционного природопользования определенной группы коренного населения, или (в более широком смысле) всех жителей данного региона, чьи образ жизни и практическая деятельность тесно связаны с использованием ресурсов живой природы. Освоение традиционных экологических знаний коренного населения и их интеграция с современными научными подходами - одно из важных условий устойчивого развития региона.

Для традиционных экологических знаний в большей степени характерны качественные оценки, фиксация трендов и вариаций, экстремальных и необычных событий, а также условий, в которых произошло то или иное событие, чем количественные оценки, измерения или определение средних значений каких-либо экологических параметров, на которых основана большая часть научных подходов. Коренные жители имеют возможность наблюдать за многими природными явлениями гораздо чаще, в течение более длительных периодов времени и в большем количестве мест, чем это могут делать ученые,

время и место полевых работ которых обычно весьма ограничено.

Можно выделить следующие основные категории традиционных экологических знаний [8]:

- фактические знания о природной среде, ее ресурсах и навыки организации природопользования (охоты, рыболовства и др.), основанные на эмпирических наблюдениях и их обобщении;

- ценностные ориентации и моральные императивы, регулирующие экологическое поведение коренного населения данного региона;

- космологические представления о природе и месте в ней человека, возникшие, как правило, на традиционной мифологической основе.

Традиционные экологические знания представляют самостоятельную ценность для разработки новых концептуальных подходов к устойчивому развитию. Они незаменимы при оценке воздействий на окружающую среду, а также оптимизации природопользования, так как часто люди, выживание которых зависит от местных условий, могут определить действительную цену потерь или выгод от реализации какого-либо проекта лучше, чем приезжие специалисты. С точки зрения коренных жителей, утрата одного из основных природных ресурсов, как правило, не измеряется только в экономических терминах. С ней связаны также потери традиционных методов природопользования, традиционных знаний, определенных форм кооперации между членами общины. Нередко такие потери ставят под угрозу целостность общины или же нарушают символическую интерпретацию ее связей с кормящим ландшафтом.

Важным элементом традиционных знаний явился отказ от узкоспециализированного природопользования и формирование сложного комплексного хозяйственного механизма, позволявшего быстро адаптироваться к резким изменениям природной среды. Так, например, у эскимосов и береговых чукчей основой жизнеобеспечения является морской зверобойный промысел, а дополнительными видами хозяйственной деятельности - рыболовство, охота, сбор яиц морских птиц и морепродуктов. Ими используются практически все доступные пищевые цепи и таким образом человек получает продукцию с четырех-пяти трофических уровней [9]. Селения размещаются в местах концентрации не менее трех видов ресурсов - у берега океана, озер, лагун на стыке пресных и соленых вод и т.д., что позволяет использовать ресурсный потенциал "кормящего ландшафта" с максимальной эф-

фективностью. В современных условиях, когда снабжение арктических поселков продуктами питания резко ухудшилось, а денежные доходы семей коренных жителей упали значительно ниже прожиточного уровня, традиционные способы жизнеобеспечения вновь сделались важным и в ряде случаев даже основным условием выживания коренных народов Российского Севера.

В большинстве случаев приемы и методы хозяйственной деятельности коренного населения Севера вполне экологичны и могут быть эффективно использованы, в частности, для организации системы ко-менеджмента (совместного управления) различными видами биологических ресурсов в современных условиях. Нагрузки на ландшафты, а также изъятие природных ресурсов обычно были адаптированы к природному экологическому потенциалу промысловых и пастбищных территорий. Например, в оленеводстве чаще всего выдерживалась оптимальная численность стада. Так, для Канинской тундры она составляла 40 тыс. голов [10].

У ненцев не было частного владения пастбищами, но существовали строгие правила, по которым все оленеводы пасли свои стада. Одни участки предписывалось проходить с высокой скоростью. Обычно это были узкие долины, где ягель мог быть быстро стравлен и выбит. Другие участки проходили медленнее, на третьих животные задерживались для нагула. Летом оленей пасли на приморских пастбищах, где не было гнуса. В пределах общинной территории у каждого существовали пастбища для летнего и зимнего выпаса,

С. 26

делившиеся в свою очередь на четверти, территории осеннего забоя оленей и т.п. На случай гололеда и бескормицы в зимний период в каждом районе имелись пастбища-убежища [10]. Родовые угодья разделялись определенными знаками, что предупреждало переэксплуатацию природных ресурсов, так как каждый род был заинтересован в их сохранении.

Соответствие традиционных хозяйств экологической емкости природной среды проявляется и в характере расселения. Начальное заселение тундры шло до предельной плотности 2 человека/100 км², а северной тайги - до 3-х человек/100 км² [12]. (Современная средняя плотность населения этих территорий составляет 2-5 человек/км², существенно повышаясь в городах.) Промысловые территории поселков коренных жителей Севера

никогда не соприкасались, ибо между ними всегда существовала буферная зона. Площадь максимально интенсивного освоения территории у поселка морских охотников Субарктики, например, не превышала 3-5 га (максимум - до 15 га), при этом 50-100 человек осваивали 500-750 км² промысловых угодий. Родовые общины различались числом своих членов, но обычно не превышали 100-150 человек, а стойбища - 25 человек (2-5 семей), что тоже практически исключало чрезмерную нагрузку на природную среду в условиях натурального или близкого к таковому хозяйства [9].

Формирование общих и важнейших черт культуры народов Севера было связано с выработкой экологической модели поведения, вошедшей в глубинные пласты их этнических культур. Традиционная культура была ориентирована на дикую природу. Дом в представлении коренного жителя Севера - это не строение, а набор тех мест, которые он знает, освоил [11]. Вспомним, что для большинства современных европейцев “дикая природа” - это прежде всего источник получения различных ресурсов (материальных, духовных), таинственная и опасная, но никак не дом! Отсюда - бережное отношение коренных жителей Севера к своему “дому”-природе.

Свой дом коренные жители Севера знали отлично, о чем свидетельствует не только их умение ориентироваться в тундре без компаса и спутниковых систем навигации, но и составление планов своих родовых территорий как в привычном виде, так и в виде национальных орнаментов. Рисунок-чертеж побережья Новой Земли, составленный знаменитым ненцем Тыкой Вылкой для экспедиции В.А. Русанова, оказался значительно точнее отображенного на имевшихся тогда картах. Удивительно “ландшафтно” точны топонимы коренного населения, например, саамские: Коашва - “заболоченное место”, Вудъявр - “лесное озеро” и т.п.

В то же время нельзя забывать, что “экологическая парадигма” (если допустить возможность применения этого термина к традиционному мировоззрению) коренных северных народов не совпадает с нашим современным (“европейским”) пониманием рациональности природопользования. Из-за суровых условий модели экологического поведения аборигенных популяций были направлены на максимальное расширенное воспроизводство численности населения, когда для этого имелись достаточные ресурсы. Отсюда - избыточная нагрузка на природную среду, проявлявшаяся в определенные периоды. При этом периоды избыточного пресса в результате низкой экологической емкости природной сре-

ды быстро сменялись периодами относительной стабильности, либо в результате освоения новых угодий, либо вымирания части населения.

Таким образом, накапливался опыт экологического поведения, причем он был различным в зависимости от условий проживания народа. Так, лесные народы в целом более экологичны в своем поведении, т.к. живут в более богатой и стабильной природной среде. Жители тундры и приморские охотники, которые постоянно сталкиваются с агрессивной природной средой, в большей степени склонны к “нерациональному” с современной точки зрения, то есть временами явно избыточному изъятию биологических ресурсов [9].

Существенная часть современного коренного населения Севера России (в первую очередь оленеводы) кочует. Транспортные средства (оленьи и собачьи упряжки) коренных народов Севера отвечают экологическим требованиям. Летний их вариант более легкий, чем зимний, что позволяет не повреждать весьма уязвимый растительный покров тундры. Кочевое население обычно пользуется традиционными жилищами – чумами, ярангами, балками (нартыными чумами) и др. Они в высшей степени функциональны и экологичны. Их установка не вызывает развития термоэрозии, не приводит к уничтожению древесной растительности и т.д. Легкие конструкции хорошо приспособлены к кочевью, а внутри них нет ничего лишнего. Накопить имущество сверх необходимого для жизни минимума предметов здесь невозможно. Организация пространства внутри жилища отражает традиционные представления о строении мира и месте в нем человека, что еще раз подчеркивает единство человека с его большим домом – окружающей природой. Таким образом, гармоничное сосуществование с природой порождало и разумные материальные потребности, существенно ограниченные, по мнению людей с европейским менталитетом.

В основе экологического мировоззрения коренных народов лежат их религиозные (в основном языческие) представления о циклическом (а не поступательном, как у европейцев) движении времени. Единство человека с природой проявляется в мифах о происхождении коренных народов. Так, саамы считают себя потомками легендарного человека-оленя – Мяндаша. В верованиях закреплены

С. 27

многие социально-экологические нормативы, регулировавшие природопользование. Природные угодья – леса, озера, реки - принадлежат особому рода существам, у которых следу-

ет испрашивать разрешение на пользование этими угодьями. Использование многих уникальных природных объектов табуировано. Так, в расположенном недалеко от Мезени сакральном урочище ненцев Канинской тундры Козьмино пролеске нельзя пасти оленей. Это обеспечивает сохранность редкого для этих мест лесного участка. [3].

Подводя итог обзору этнокультурных аспектов устойчивого развития традиционного природопользования Арктического региона, попытаемся обозначить его актуальные и для современности особенности и принципы, способные обеспечить региональное сбалансированное развитие. Среди них выделим:

- комплексный характер природопользования;
- “пульсирующее” природопользование, т.е. обеспечение определенных временных интервалов, необходимых для природовосстановления;
- “маятниковое” природопользование, т.е. периодическое перемещение арены хозяйственной деятельности в целях природовосстановления на нарушенных территориях;
- соблюдение оптимальных соотношений площадей производственной и поддерживающей территории (экологического каркаса);
- кочевой метод освоения территории, исключающий создание крупных поселений и постоянную концентрацию населения;
- культивирование экологического мировоззрения;
- общинная форма самоуправления.

При современном промышленном освоении Арктики, в частности, стоит рассмотреть возможность их реализации в виде, например, внедрения в производственные циклы технологических остановок не только для ремонта оборудования, но и для частичной реабилитации природной среды. Как кочевой образ жизни обусловлен пространственно-временными вариациями в наличии и доступности биоресурсов, так и работа промышленных предприятий, загрязняющих воздушную и водную среды, или использование транспортных средств, нарушающих естественный растительный покров тундры, также могли бы соответствовать пространственно-временным вариациям в устойчивости экосистем к антропогенным нагрузкам. Сюда же можно отнести и расширение использования вахтового метода освоения ресурсов полезных ископаемых, создание буферных зон с особым режимом природопользования вокруг экологически опасных производств, развитие

альтернативных видов природопользования и т.д. Правда, все это может снизить сегодняшние прибыли и увеличить производственные расходы, если, конечно, по-прежнему не включать в последние затраты на реабилитацию нарушенных территорий [3].

Однако, определяя цель существования хозяйственного субъекта в рыночной экономике достижением прибыли, стоит вспомнить, что цель существования стойбища на Севере так легко не определить! С точки зрения экономической теории это - "трудоовое" хозяйство, цели которого состоят не в получении прибыли, а в удовлетворении текущих потребностей семей [14]. Это затрудняет интеграцию традиционного хозяйственного комплекса коренных народов в систему рыночной экономики, но одновременно показывает, что устойчивое развитие Арктического региона России не может руководствоваться только получением сиюминутной прибыли.² В известной степени пророческими можно назвать слова В. Распутина: "Быть ли ей (России - прим. авторов) в будущем и сколько быть, где сыскать силы и духа для преодоления кризисного состояния - не подскажут ли пример и опыт маленькой колонии на Крайнем севере, ... которая по всем приметам не должна была выжить, но выжила" [13, с.11].

В заключение целесообразно кратко остановиться на практической стороне проблемы сохранения этнокультурного потенциала коренного населения Российской Арктики. Предположительно идеальная модель устойчивого развития коренных северных народов должна предусматривать существование в составе каждого из них двух основных социокультурных групп, а именно:

- населения, ведущего традиционное природопользование и сохраняющего (постоянно или сезонно) кочевой образ жизни, либо проживающего в небольших отдаленных, как правило, моноэтнических поселках;

- жителей относительно крупных поселков с полиэтничным населением, работающих преимущественно вне традиционного хозяйства, имеющих профессионально-техническую подготовку и относительно высокий уровень образования, обеспечивающих приемлемый уровень доходов.

Первая группа естественным образом способствует сохранению языка и продолжению "живых" культурных традиций своих народов в максимально возможной на сегодня и

---

² Современная модернизация традиционного хозяйства с целью его интеграции в рыночную экономику тоже слишком слабо учитывает отмеченные этнокультурные традиции.

на ближайшее будущее степени. Вторая – может создать условия для роста национальной интеллигенции, развития (на профессиональном и любительском уровнях) народного искусства и литературного языка, воспитания кадров для политических и общественных организаций, отстаивающих права и защищающих интересы своих народов.

С. 28

В основу воплощения в жизнь этой идеальной модели может быть положена концепция сохранения этнокультурной и природной среды российского Севера, что предполагает разработку и принятие закона об охране этнокультурной среды Севера, введение практики государственной этнологической экспертизы, а также создание системы этноэкологического мониторинга северных территорий [15].

Список литературы:

1. Красовская Т.М. Эколого-экономические проблемы Севера России // Вестник Моск. ун-та, геогр. – 1999 - № 4.
2. Voix Indiennes. Les message des Indiens d’Amerique au monde occidental // Les formes du secret. Paris, 1979.
3. Мягков С.М. Этнокультурные основы устойчивого развития. М., 2001.
4. Красовская Т.М. Культурный ландшафт районов Крайнего Севера России как основа устойчивого развития территории // Тр. междисциплинарного научного семинара “Культурный ландшафт”. Смоленск, 1998. Т. 2.
5. Nakasima, D. Conceptualizing nature: the cultural context of resource management // Nature & Resources. 1998- Vol. 34 - No 2.
6. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., Россия Молодая, 1994.
7. Население России. Второй ежегодный демографический доклад. М., Евразия, 1994.
8. Ямсков А.Н. Возможная дефиниция “территории традиционного природопользования” в законодательстве о правах коренных малочисленных народов Севера // Homo Juridicus: Материалы конференции по юридической антропологии, М. 1997.
9. Usher P. J. Traditional Ecological Knowledge in Environmental Assessment and Management. // Arctic. - 2000-Vol. 53.- No 2 .

10. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., Наука, 1989.
11. Васильев В.И., Гейденрейх Л.Н. Тундра Канинская. М., 1977.
12. Pentikainen J. The values of nature in the mind of Northern man. // Arctic Centre Publications.- 1997- N 7.
13. Мягков С.М. География природного риска. М., 1995.
14. Распутин В.Г. На Индигирке, рядом с океаном. Предисловия к книге А.Г. Чикачева "Русские на Индигирке.", Новосибирск. 1990.
15. Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные работы, М., 1989.
16. Степанов В.В. Необходим закон об охране этнокультурной среды // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., Изд-во "Стратегия". 2000.

Поступила в редакцию

16 апреля 2001 г.